

Протоиерей Владимир Савельев,
доцент КДА

Христианский кардиоцентризм¹

Библейско-святоотеческое учение о сердце

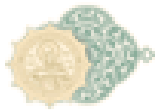
Слово *сердце* является наиболее употребительным термином Священного Писания и обозначает центр эмоциональной, умственной и духовно-нравственной жизни человека. И только иногда, причем исключительно в Ветхом Завете, слово *сердце* имеет значение физического органа, обеспечивающего кровообращение. Изредка это слово используется для обозначения чего-то сокровенного и недостижимого, далекого и недоступного². «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:40). В этом месте Священного Писания под *сердцем земли* подразумевается некая внутренняя недостижимая область.

Именно внутренняя сокрытость и недоступность сердца в анатомическом смысле, возможно, стали причиной употребления этого слова для выражения всех глубин духовной и чувственно-интеллектуальной жизни человека. В русском языке слово *сердце* своей этимологией указывает на понятие центральности, срединности. Оно «обозначает собою нечто центральное, нечто внутреннее, нечто среднее — орган, который является сердцевиной живого существа, как по своему месту, так и по своей деятельности»³. Сердце справедливо считается корнем человеческого существа, центром и источником его жизни. «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источник жизни» (Притч. 4:23). Оно есть *круж*

¹ В русской литературе этот термин впервые был использован в 1883 г. профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии А. Е. Светилиным для обозначения взгляда на сердце как на *седилице души* (см.: Зенько Ю. М. Основы христианской антропологии и психологии. СПб.: Речь, 2007. С. 69).

² Например, «сердце моря» (Иона, 2:4) — это недоступные глубины морской бездны, а «сердце небес» — недостижимая высота.

³ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // Флоренский П. А. Сочинения. М., 1990. Т. 1. Кн. 1. С. 269.

жизни (Иак. 3:6), колесо, во вращении которого заключается сам принцип духовной и душевно-телесной деятельности человека⁴.

«Уже во времена древних греков, — пишет архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), — слова *φρῆν*⁵, *καρδία* означали не только сердце в прямом значении, но также душу, настроение, взгляд, мысль, даже благоразумие, ум, убеждение и т. д.

“Народное чутье” уже издавна верно оценило важную роль сердца в жизни человека. Сердце перестает биться — жизни пришел конец; поэтому некоторые называют сердце “мотором жизни”... Нам приходится в повседневной жизни слышать о том, что сердце “страдает”, “болит” и пр. В художественной литературе можно встретить выражения: “сердце тоскует”, “радуется”, “чувствует” и т. п. Таким образом, сердце сделалось как бы органом чувств, и притом чрезвычайно тонким и универсальным»⁶.

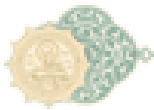
«Но Священное Писание, — продолжает далее святитель Лука, — говорит нам о сердце гораздо больше. О сердце речь идет чуть ли не на каждой странице Библии, и впервые читающий ее не может не заметить, что сердцу придается значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа восприятия и осмысления духовных воздействий. И более того: сердце, по Священному Писанию, есть орган общения человека с Богом, а, следовательно, оно есть орган высшего познания.

Поистине всеобъемлюща, по Священному Писанию, роль сердца в областичувств. Оно веселится (см. Иер. 15:16; Есф. 1:10; Пс. 103:15; Притч. 15:13; 15:15; 17:22; Суд. 16:25), радуется (см. Плач. 5:15; Притч. 15:30; 23:15; 27:9; Ис. 66:14; Пс. 12:6; 15:9; Еккл. 2:10), скорбит (см. Пс. 12:3; 24:17; Иер. 4:19), терзается (см. Иер. 4:19; 4 Цар. 6:11; Пс. 72:21), рвется от злобы (см. Деян. 7:54) и, как у Клеопы, горит трепетным предчувствием (см. Лк. 24:32). Оно негодует на Господа (см. Притч. 19:3), в нем гнездится гнев (см. Еккл. 9:3), прелюбодейная страсть (см. Мф. 5:28), зависть (см. Иак. 3:14), наденность (см. Притч. 16:5), смелость и страх (см. Пс. 26:3;

⁴ В Священном Писании «сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существенный орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками» (См.: Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения. М., 1990. С. 69).

⁵ *Φρῆν* — грудобрюшная перепонка, отделяющая сердце и легкие от прочих внутренностей. Но поскольку древние греки считали эту часть тела седалищем душевных аффектов, то в переносном смысле слово *φρῆν* может означать дух, душу, сердце, ум.

⁶ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Дух, душа и тело. М., 1997. С. 26. «Современный цивилизованный человек путем работы над собой приучается скрывать свои мышечные рефлексы, и только изменения сердечной деятельности все еще могут указать нам на его переживания. Таким образом, сердце и осталось для нас органом чувств, тонко указывающим наше субъективное состояние и всегда его избобличающим» (Там же. С. 27).

Лев. 26:36), нечистота похотей (см. Рим. 1:24), его сокрушают поношения (см. Пс. 68:21). Но оно воспринимает и утешения (см. Флм. 1:7), способно к великому чувству упования на Бога (см. Пс. 27:7; Притч. 3:5) и сокрушению о грехах своих (см. Пс. 33:19), может быть вместилищем кротости и смирения (см. Мф. 11:29).

Помимо этой полноты чувствований сердце обладает высшей способностью ощущать Бога, о которой говорит ап. Павел в афинском ареопаге: "...дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли..." (Деян. 17:27).

Не только о способности сердца воспринимать воздействия Духа Божиего говорит Писание, но представляет его органом, который совершенствуется и испрашивается Богом как центр нашей духовной жизни и Богопознания...

В притче о сеятеле Сам Господь говорит, что семя Слова Божия сеется в сердце человеческое и хранится, если сердце чисто, или похищается дьяволом, если оно не умеет и недостойно хранить его...

Сердцем мы молимся, и одна из великих форм молитвы есть безмолвный вопль к Богу. Так молилась долго бездетная Анна — мать пророка Самуила. На горе Синай Бог сказал Моисею: "Что ты вопиешь ко Мне?" — а он молился без слов, не шевеля губами.

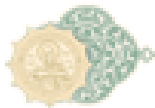
"Сердце их вопиет к Богу", — говорит пророк Иеремия (Плач. 2:18).

Хорошо это выразил Ландриэ в своей книге "Молитва": "Однажды ангел сказал одной из пламенных душ: "Что в самом деле ты делаешь? Ты колеблешь дворец небесный, и там ничего не слышно, кроме твоих криков". Однако эта душа не произнесла ни слова: только ее сердце волновалось, и этого невидимого движения было достаточно, чтобы поколебать высоту небесную".

Сердце есть хранилище добра и зла, как сказал нам Господь Иисус Христос: "Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое" (Мф. 12:34–35). И еще: "Исходящее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления" (Мф. 15:18–19).

В сердце — седалище совести нашей, этого ангела-хранителя. "Если сердце наше осуждает нас" (1 Ин. 3:20).

Об удивительной способности сердца сказал пророк Елисей своему слуге Гиезию: "Разве сердце мое не сопутствовало тебе, когда обратился навстречу тебе человек тот с колесницы своей?" (4 Цар. 5:26). Так и сердце любящих матерей сопутствует во всем детям их, но, конечно, не с таким пророческим ясновидением, как сердце Елисея сопутствовало Гиезию.

Сердце предназначено не только для чувствования и для общения с Богом. Священное Писание свидетельствует, что оно есть и орган желания, источник воли, добрых и злых намерений»⁷.

«Само сердце, — пишет преподобный Макарий Египетский, — малый сосуд, но там есть львы, там есть змии, там гнездятся лукавые духи, там ядовитые звери, там все сокровища порока, там неровные [дороги], там пропасти, там негладкие пути; но там, когда [сердце] просветится, также и Бог, там ангелы, там жизнь, там свет, там грады небесные, там апостолы, там сокровища царствия, там есть все» (Слово 14)⁸.

В древнецерковной литературе мы можем найти множество различных образов и характеристик, которые используют святые отцы, чтобы описать сердце и выразить его сущность. Особое место в мистической традиции христианства, несомненно, занимает учение преподобного Макария Египетского о сердце как о главном объекте аскетического делания. Для него сердце — это мистический центр духовной жизни человека. Более того, по мысли этого отца, оно является источником благодатной жизни человека. «...И на скрижалях сердца благодать Божия начертала законы Духа и небесные тайны, потому что сердце владычественно и царственно над всем телом (ἔλου τοῦ ὀργάνου). И когда благодать овладевает пажитями сердца, тогда царствует она над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы души...» (Слово 32). «Поэтому благодать и проходит (через) сердце во все члены тела (εἰς ἅλα τὰ μέλη τοῦ σώματος), во всю природу человека, так как душа сплетена (с сердцем) и соединена»⁹.

Аскетическое учение Макария Египетского о человеке, как и вся исихастская антропология, основывается на библейской идее целостного единства и таинственной связи духа и материи в человеческом естестве. «Связь эта, — замечает Б. П. Вышеславцев, — совершенно неразгадана, и вместе с тем она совершенно очевидна. Научно она выражается как *психофизическая проблема*...»¹⁰. Блаженный Августин формулирует эту проблему достаточно отчетливо: «Тот способ, каким души соединяются с телами и становятся живыми существами, в полном смысле слова удивителен и решительно непонятен для человека; а между тем это и есть человек»¹¹. Сердце и есть та «таинственная и непонятная ось, которая пронзает и держит и духовную,

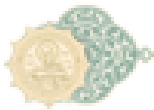
⁷ Там же. С. 28, 34–35.

⁸ Макарий Египетский, прп. Духовные слова и послания. Собрания типа I (Vatic. graec. 694) / Предисловие, перевод, комментарии, указатели А. Г. Дунаева. М.: Индрик, 2002. С. 556.

⁹ Цит. по: Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. С. 581.

¹⁰ Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. М., 1990. № 4. С. 74.

¹¹ Цит. по: Шишков А. Вопрос о соединении души с телом в позднеантичной и средневековой мысли // Православное учение о человеке. Избран. статьи. М. – Клин, 2004. С. 199.

и телесную жизнь человека. Телесное сердце никогда не есть только “плоть”, а всегда есть воплощение, ибо каждое его биение имеет духовное значение: оно нечто выражает в своем движении и нечто вносит в этот мир — любовь или ненависть, повторение старого ритма или рождение нового»¹².

Именно сердце, согласно святоотеческому учению, является точкой соприкосновения двух миров — человеческого и божественного. «Именно сердцем переживает человек общение с другим существом. Отсюда естественно, что и личное, непосредственное общение с Богом совершается именно так же, в сердце»¹³. «Сердце человеческое — жертвенник Святого Духа, и если жертвенник не чист от воцеления, ненависти, гневливости и раздражительности и не свят, то Господь оставляет жертвенник и выходит [из него]» (Слово 7)¹⁴. С этим высказыванием Макария Египетского находятся в полном согласии слова святого преподобного Серафима Саровского: «Господь ищет сердце, преисполненное любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать... ибо в сердце человеческом Царствие Божие»¹⁵.

Однако в святоотеческой литературе понятие *воѳс* часто усвоятся «первенствующее, главенствующее значение, тогда как *сердце*, вследствие этого, естественно отступает уже на второй план, и само подчиняется *разуму*». Это создает известные трудности при анализе коррелятивных понятий: *кардіа*, *твѳѳа* и *воѳс*. «Во всяком случае, — замечает С. М. Зарин, автор фундаментального труда “Аскетизм по православно-христианскому учению”, — наблюдая терминологию и анализируя психологические воззрения святых Отцов, мы приходим к тому выводу, что наиболее видные представители патристической литературы стремились к возможному соглашению и примирению библейской и философской терминологий...

По словам свт. Василия Великого, “Писание часто принимает сердце в значении владычественной части души” (*ἐπὶ τοῦ ἡγεμονικῆς*). Свт. Григорий Нисский термином *τὸ ἡγεμονικόν*... в одних местах обозначает *воѳс*, а в других — *кардіа*. И это собственно потому, что св. отец не полагает существенного различия в названии высшей стороны природы человека “умом” (*воѳс*), “духом” (*твѳѳа*) или сердцем (*кардіа*). Отсюда параллельное и как бы синонимическое употребление терминов *воѳс* и *кардіа* не только у Григория Нисского, но и у других святых отцов.

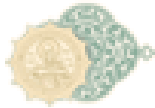
Впрочем, у некоторых отцов-аскетов, в полном согласии с Писанием, раскрывается учение о том, что именно “сердце” служит основным органом религиозно-нравственной, благодатной жизни, — органом богообщения.

¹² Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. М., 1990. № 4. С. 74.

¹³ Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. С. 579.

¹⁴ Макарий Египетский, прп. Указ. соч. С. 517.

¹⁵ О цели христианской жизни. Беседа прп. Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. Сергиев Посад, 1914. С. 11.

По словам, например, прп. Макария Египетского, “Бог сокровенно подает в сердце (εις τὴν καρδίαν) жизнь и помощь, и вверяет ему Самого Себя”¹⁶.

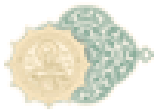
Своеобразное установление consensus ratum в вопросе соотношения понятий *уобс* и *кардіа* можно найти в трудах святителя Григория Паламы. В «Триадах» он задает вопрос: «Если наша душа — это единая много-способная сила, которая пользуется получающим от нее жизнь телом как орудием, то, пользуясь какими частями тела, как орудиями действует та ее способность, которую мы называем умом?». И тут же отвечает на него: «Конечно, никто никогда не представлял себе вместилищем мысли ни ногти, ни ресницы, ни ноздри, ни губы, все считают ее помещенной внутри нас, но богословы разошлись в вопросе, каким из внутренних органов мысль пользуется прежде всего, потому что одни помещают ее, как в некоем акрополе, в мозг, а другие отводят ей вместилищем глубочайшее средоточие сердца, очищенное от душевного духа. Если сами мы определенно знаем, что наша способность мысли расположена и не внутри нас как в некоем сосуде, поскольку она бестелесна, и не вне нас, поскольку она сопряжена с нами, а находится в сердце как своем орудии, то мы узнали это не от людей, а от самого Творца людей, который после слов “Не входящее в уста, а выходящее через них оскверняет человека” говорит: “Из сердца исходят помыслы” (Мф. 15:11, 19). Вот почему у Макария Великого сказано: “Сердце правит всем составом человека, и если благодать овладеет лажитями сердца, она царит над всеми помыслами и телесными членами; ведь и все помыслы души — в сердце”. Так что сердце — сокровищница разумной способности души и главное телесное орудие рассуждения. Стараясь в строгом трезвении соблюдать и направлять эту свою способность, что же мы должны делать как не то, чтобы, собрав рассеянный по внешним ощущениям ум, приводить его к внутреннему средоточию, к сердцу, хранилищу помыслов? Недаром достоименный Макарий сразу за только что приведенными словами прибавляет: “Итак, здесь надо смотреть, начертаны ли благодатью законы Духа”. Где “здесь”? В главном телесном органе, на престоле благодати, где ум и все душевные помыслы — в сердце. Видишь, что тем, кто решился внимать себе в исихии, обязательно нужно возвращать и заключать ум в тело, и особенно в то внутреннейшее тело тела, которое мы называем сердцем»¹⁷.

Итак, святой Григорий Палама, согласно со всеми святыми отцами, называет сердце *первым плотским органом человеческого ума*¹⁸. Однако современные интеллектуалисты, основываясь на данных научной психологии, признают органом ума не сердце, а головной мозг, что, казалось бы, входит в прямое противоречие со святыми отцами и со Священным Писанием.

¹⁶ Зарин С. М. Указ. соч. С. 379–380.

¹⁷ Григорий Палама, свт. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995. С. 43–44.

¹⁸ Там же. С. 186.

Но Писание, считает святитель Лука Войно-Ясенецкий, никоим образом «не противоречит несомненным физиологическим фактам и не отрицает роли мозга в мышлении, и не только мышлении, но и во всех психических процессах». Действительно, «умственные процессы происходят в мозгу», «но... мышление не ограничивается деятельностью коры головного мозга и в ней не заканчивается... Если бы мы могли, что, конечно, невозможно, остановить стремительную и сложнейшую динамику психических процессов и рассмотреть отдельные элементы в статическом состоянии, то ощущения представились бы нам только как импульсы к возникновению мыслей, чувств, желаний и волевых движений». А информация, выхваченная из мозга, оказалась бы «только незаконченным, сырым материалом, подлежащим глубокой и окончательной обработке в сердце — горниле чувств и воли»¹⁹.

«Мозг, — говорит Бергсон²⁰, — не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его. Он ничего не прибавляет к тому, что получает. Все органы восприятия посылают к нему нервные волокна; в нем помещается моторная система, и он представляет собою центр, в котором периферическое раздражение вступает в сношение с тем или иным моторным механизмом...»

Мозг — не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию. Мозг, собственно, орган внимания к жизни, приношения к действительности»²¹.

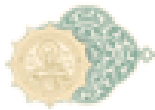
Таким образом, «нервная система, и в особенности мозг, — заключает архиепископ Лука, — не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструмент, предназначенный к действию»²². Средоточием же и обиталищем мудрости, центральным органом восприятия, познания и мысли, источником воли и источником добрых и злых намерений, чрезвычайно тонким и универсальным органом чувств, исключительным органом высшего познания и общения с Богом, по мысли святителя, без всякого сомнения, является человеческое сердце.

¹⁹ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Указ. соч. С. 38–39.

²⁰ Бергсон (Bergson) Анри (1859–1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни.

²¹ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Указ. соч. С. 43–44. «Вся кора полушарий, эта совершеннейшая часть мозга, состоит только из бесчисленного множества анализаторов, анализаторов и анализаторов. И если в коре не нашлось места для какого-нибудь центра чувств, то тем более его нельзя искать в серых узлах мозгового ствола, которые, как это отчасти известно, имеют чисто физиологические функции. Мозговая кора анализирует не чувства, а ощущения» (Там же. С. 48). Думается, что оценка и понимание полученных результатов идут без участия материального субстрата мозга. Мозг лишь принимает информацию о внешнем мире через анализаторы, но оценивает ее человеческая душа.

²² Там же. С. 44.

Отношение «сердца» к коррелятивным понятиям «души», «духа» и «ума»

По верному замечанию Б. П. Вышеславцева, сердце «есть тайный центр человека; оно “безмолвствует”, апофатически утверждает свою глубину, в нём сокрыта нетленная красота духа...»²³. Сердце — это «сокровенный центр нашей личности»²⁴, в котором совершается наше общение и соединение с Богом. «Сердце — это место, где происходит развитие всей духовной жизни, где действует нетварная энергия Божия»²⁵. Оно является средоточием всех наших религиозных переживаний. Поэтому очень важно для достижения целостного духовного устроения личности иметь отчетливое представление об отношении «сердца» к коррелятивным понятиям «души», «духа» и «ума».

Отправной точкой в нашем сопоставлении вышеобозначенных понятий необходимо избрать термин «душа», который является ключевым в библейской антропологии. По учению святых отцов, *душа* — цельная, многосильная, разумная и живая сущность. Она понимается как субъект личной жизни человека, как единое начало *ἀρχή*, корень и основание всех его духовных сил и способностей.

Дух — «высшая способность души»²⁶; «высшая сила нашей духовной деятельности»²⁷.

Сердце же — «единый экзистенциально-энергийный центр человеческого существа, фокус (условно мыслимый в месте сердца), где сходятся все его энергии — силы, стремления, чувства, помыслы; все движения *ума* и *души*»²⁸. «Специальная деятельность *духа* [также] происходит по преимуществу в *сердце*, так что иногда именно *сердцу* приписывается то, что в последней инстанции принадлежит собственно *духу*. ... И действительно, *сердце* в некоторых местах Св. Писания признается средоточием деятельности *духа* и отсюда — божественным принципом жизни»²⁹.

Положение духа и ума в душе определяется следующим образом. «Если “дух” есть первоначальный источник и последнее основание высшей, религиозно-нравственной жизни, то “ум” есть область теоретического и нравственно-практического познания, способность сознания заложенных в

²³ Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 275.

²⁴ Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения. М., 1990. С. 72.

²⁵ Иерофей (Влахос), митр. Православная психотерапия. Б.м. и г. С. 158.

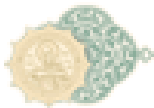
²⁶ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Указ. соч. С. 82.

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Хоружий С. С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетике и мистики Православия. М., 1995. С. 95

²⁹ Зарин С. М. Указ соч. С. 375–376.

душе религиозных и нравственных принципов»³⁰. Нужно также отметить, что у святых отцов *πνεῦμα* и *νοῦς* часто отождествляются и употребляются как взаимозаменяемые.

В заключение приведем слова известного современного мыслителя С. С. Хоружего, который, как нам кажется, наилучшим образом разъясняет смысл и значение понятий *νοῦς* и *καρδία* в православной аскетике. Он пишет: «Фундаментальная способность человека устремляться к Богу и входить в соединение с Ним, превосходя и преображая собственную природу, часто называется “умной” способностью, а сама деятельность стяжания благодати называется “умным деланием”. Однако термины “умное” и “ум” понимаются здесь, как мы уже замечали, отнюдь не в обычном значении одной из природных способностей человека, но снова, как в случае “сердца”³¹, в значении обобщенно-символическом. Очень ясно об этом говорит сам Григорий Палама: “Мы называем эту способность (способность к соединению с Богом) умной, хотя в действительности она превыше ума” (I, 3, 33). Если “сердце” в словоупотреблении православной аскетике обозначает способность человека собирать всего себя в единый внутренний центр, то “ум” в этом случае обозначает способность человека превосходить себя, входить в соединение с благодатью и облакаться в Божественное бытие. Или так еще: “сердце” — способность человека быть целью; “ум” — способность человека быть целью, стремящейся к Богу и соединяющейся с Ним. Когда “сердце” собирает всего человека в единое целое, “ум” это целое устремляет к Богу и в синергии с Ним претворяет в новую высшую природу. И обожение, включающее в себя и “работу сердца”, и “работу ума”, представляется, наконец, во всем своем полном виде как двуединый процесс само-собрания и благодатного само-превосхождения человека»³².

³⁰ Там же. С. 376-377.

³¹ «О “сердце” обычно говорят в двух главных смыслах, телесном (физиологическом) и душевном (психологическом). В первом, эмпирическом смысле, сердце — центр кровеносной и дыхательной систем, узел телесной жизни человека; во втором, обобщенном и переносном, сердце — центр душевной жизни, средоточие, “седалище” всех чувств и эмоций. Аскетика развивает обобщение далее и понимает под “сердцем” единый экзистенциально-энергетический центр человеческого существа, фокус (условно мыслимый в месте сердца), где сходятся все его энергии — силы, стремления, чувства, помыслы; все движения ума и души. При этом отнюдь не предполагается, что такая собранность всех энергий всегда налицо. Напротив, в обычном существовании человека, она — лишь возможность, а не действительность, задание, а не данность. Человек должен сам, своею волею и усилием, собрать всего себя в “сердце” — или точнее, пожалуй, он должен создать в себе “сердце”. Именно в этом заключается его задача. Его очередная работа» (Хоружий С. С. Указ. соч. С. 95).

³² Хоружий С. С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении // После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 310.